

Мария
Волкова

КАТЫН-АЙ

Степная поэма

I

Знойное солнце. Небо – сапфир.
Песок раскаленный и жадный.
В двадцать три года прекрасен мир
Даже в степи безотрадной.

Вот по дороге ковчег-тарантас
В облаке пыли мчится.
Пара восторженных синих глаз
Вдаль из него стремится.

Фуражка взметнулась. Под нею чуб.
Погоны с алым просветом.
Рвется улыбка с безусых губ
Всем и всему приветом.

В прошлом недавнем – юнкер, кадет,
Бравый хорунжий – ныне.
Смело в широкий, неведомый свет
Через пески пустыни!

Служба казачья ему не страшна,
Он не знаком с тоскою.
Богом забытая эта страна
Станет ему родною!

Дума за думой вперед летит.
Лошади чуть ступают.
Путник измучен. Солнце палит.
Жажда его терзает.

«Эй, далеко ль до жилья, ямщик?
Хоть бы воды немного!»
«Видно ты к нашей езде не привык?»
«Да, тяжела дорога».

Звон колокольчика: динь-дон-дон...
Дремлет на козлах возница.
Ну и мучительный перегон!
Долго ль еще томиться?

«Что это темное там, в стороне?»
«Юрта, не видишь что ли?»
«Стой, подожди, – моя грудь в огне,
Надо напиться вволю!»

Лошади стали. Ловкий прыжок.
Путник свернул с дороги.
Сразу увязли, ушли в песок
Юные, резвые ноги.

Труден, сыпуч и неверен шаг.
Цель, слава Богу, близко:
Юрта большая, пред ней очаг.
У очага – киргизка.

Едок и терпок кизячный дым.
Что-то в котле клокочет.
Пес отошальный с урчаньем злым
В гостя вцепиться хочет.

Встала киргизка. Пса уняла,
 Властно толкнув ногою.
 С виду – стройна, молода и смугла
 Бледной такой смуглотою.

Черные косы, как два жгута.
 Щеки горят от жара.
 Длинная блуза ее проста,
 Снизу видны шальвары.

Дугами брови. Рот ярко ал.
 Карие очи узки.
 «Здравствуй, хозяйка! – казак сказал. –
 Коли поймешь по-русски.

Жарко, и пить захотелось вдруг.
 Очень от жажды тяжко!»
 Чтоб поняла, он из сложенных рук
 Сделал подобие чашки.

В юрту киргизка поспешно вошла
 И, возвратившись обратно,
 В маленьком жбане ему поднесла
 Свежий кумыс приятный.

Жбан опорожнил он духом одним,
 С каждым глотком оживая.
 С тихим вниманьем следила за ним
 Смуглая дева степная!

«Будет! Спасибо! Выпил до дна.
 Вот – золотой в награду!»
 Руку свою отняла она,
 Вдруг прошептал:
 «Не надо!»

...Знойное солнце. Небо – сапфир.
 Тройка едва плетется.
 В двадцать три года прекрасен мир,
 Сердце так шибко бьется!

II

Ночь. словно стражи былых времен,
 Дремлют вдали курганы.
 Звездный таинственный небосклон
 Дышит красой перевозданной.

К черному бархату медный диск
 Чьей-то прибит рукою.
 Темный задумался тamarиск,
 Заворожен тоскою.

Воздух прозрачен, и свеж, и чист.
 Степь в полусне мечтает.
 Сусличий тонкий, протяжный свист
 Изредка тишь смущает.

Чий серебрится кой-где во мгле
 Блещущим переливом.
 Хочется вскрикнуть, припав к земле,
 Хочется быть счастливым!

Как необъятен простор степной!
 Праздные мысли скучны.
 «Степь, ты – моя, я – навеки твой –
 Будем с тобой неразлучны!»

III

В старых садах потонул городок,
 Солнечной полон ласки.
 Разве не слышишь: тебе Восток
 Сонно лепечет сказки!

Где-то далеко Иртыш седой,
 Где-то шумят березки...
 В маленьком городе – пыль и зной,
 Странные кровли плоски.

Где-то далеко ковер равнин,
 Грустная нежность лета.
 В городе чуждом кричит муэдзин
 С башенки минарета.

«В небе услышит Аллах мольбу», –
 Набожно шепнут татары...
 Маленький ослик везет арбу...
 Слышится шум базара...

Сарты на площадь гурьбой спешат,
 Чалмы над бровями нависли...
 Вон таранчинец несет виноград
 В корзинках на коромысле...

Рота солдат на ученье прошла...
 Прогромыхала фурманка...
 И, притаясь у ворот, замерла
 С кувшином в руке дунганка...

Не приглянулся ли ей урус
 Статный, как тополь Джаркента?
 Дрогнули звенья затейливых бус,
 Черной курмы позументы...

Мимо! Арыки бегут, журчат,
 Плещут струей ленивой.
 Вот – зачарованный тихий сад, –
 Господи, как красиво!

Запах левкоев. Заросли роз.
 Бродит удод по аллее.
 Золотом в листьях горит абрикос,
 Персик стыдливо алеет.

Юный казак без границ пленен
 Жизни роскошным пиром.
 Что это? – Вдруг очутился он
 Перед своим командиром!

Звякнули шпоры.

Рука – к козырьку.

Громко, уставу послушен:
 «Только что прибыл для службы в полку
 Хорунжий Геннадий Первушин!»

IV

«Мечутся кони, грызут удила» –
 Песня лихая несется.
 Песня всю душу задором зажгла,
 Чуб на ветру так и вьется!

Острые пашки на левом боку.
 Лесом щетинятся пики.
 Ну не житье ль молодцу-казаку,
 Сыну России Великой!

Рубка, маневры, ученья, смотры,
 Топот и шум джигитовки.
 Дети степей и стройны, и бодры,
 И жизнерадостно ловки.

Дети степей наготове всегда:
 Близко заветные грани!
 Их не напрасно послали сюда,
 К диким предгорьям Тянь-Шаня!

Всюду – посты.

На постах – казаки.

Чтятся преданья глухие.
 Тысяча верст на коне – пустыки:
 Это – родная стихия.

Лозунг всегдашний – короткое «бди!».
 Службу начальство оценит.
 Верное сердце трепещет в груди,
 Верный клинок не изменит!

V

Разве не славно порою ночной,
 Лихо накинув бурку,
 Быстро шагать из собранья домой,
 Насвистывая мазурку?

Разве не славно, улегшись в кровать,
 Вспомнить веселье былое
 И хоть чуть-чуть перед сном помечтать
 О командирской Зое?

Ах, как играл этот хор трубачей –
 Звуки томили и звали!
 Стан охвативши, он с дамой своей
 Плавно кружился по зале.

Как грациозно скользила она,
 Словно летали ножки!
 Русые косы... Хрупка, нежна...
 Блещут в ушах сережки...

Вот бы признаться: «Я – вечно твой,
 Выслушай, ради Бога!»
 Нет, не сейчас, потерпи, постой –
 Встреч еще будет много!

«Жизнь так прекрасна. И я влюблен.
 Зоя – одна на свете».
 И засыпает неслышно он,
 Как засыпают дети.

VI

От ветра лицо милей, розовой.
 На беличьей муфте – снежинки.
 А ну-ка, Геннадий, за дело смелей,
 Скажи теперь все без запинки!

«Этой минуты давно я ждал,
 И вот наконец-то одни мы!
 Я целую зиму о вас мечтал,
 Горел и страдал нестерпимо.

Кто знает, быть может, нам суждено
 Идти одною дорогой?
 Я ваш всей душой, я ваш давно...
 Простите, не будьте строгой!..»

Проказливый ветер трепал боа,
 А муфта в руке дрожала.
 Геннадий расслышал едва-едва:
 «Я все давно угадала!»

«Зоя, не мучьте, я вас молю,
 Скажите одно лишь слово!»
 И нежное, вкрадчивое «люблю»
 Упало в сумрак лиловый.

«Ты любишь? Неужто? Я весь дрожу...
 Разлука одна пугает...
 Подумай, меня посылают в Кульджу,
 А после куда – не знаю.

Как грустно, как больно,
 что так пришлось.
 Да, вот он, удел казачий!
 Но ты, дорогая, меня не брось,
 Люби душою горячей!»

Пожатье руки.

Поцелуй-ожог.

О нем никогда не узнают...
 На беличьей муфте пушистый снежок,
 Он скоро бесследно растает!

VII

Ну не жесток ли судьбы произвол!
 Тошно житье кочевое!
 Надо же было попасть в Нарынкол,
 Так далеко от Зои!

Дикий поселок укрылся в горах,
 Словно берлога глухая.
 Снег на могучих,
 кремнистых хребтах;
 Дальше – пределы Китая.

Вон, на Востоке, в багрянце зари
 Видно двуглавое диво:
 В небе сверкают шатры Хан-Тенгри
 Невыразимо красиво.

Манят нетленной своей белизной
 Дальше Божьи чертоги,
 Но не коснутся их грешной пятой
 Дерзкого смертного ноги.

Где-то высоко клекочут орлы.
 Бродят в ущельях маралы.
 Пропasti полны таинственной мглы.
 Люди так жалки и малы.

Речка-ворчунья, стремясь с высоты,
 Вьется неровною лентой.
 Следом за ней убегают мечты
 К милым аллеям Джаркента...

Скучно! Охота на диких козлов,
 На круторогих архаров...
 Те же всё лица своих казаков,
 Те же торговцы-татары...

Боже, какой это медленный год!
 Кажется, дни застывают!
 Всеми забытый первушинский взвод
 Что-то с поста не снимают!

Вот и вторая весна расцвела
 Как-то неслышно и разом.
 В жизнь перемену она принесла
 Вместе с желанным приказом.

Рвался Геннадий, считал каждый миг,
 Бредил свиданьем с милой.
 Грезить о счастье он молча привык.
 Счастье ж ему изменило!

Долог для Зои был тягостный срок,
 Чужды тоска и печали.
 Несколько кратких и сдержанных строк
 Горькую правду сказали.

Понял Геннадий. И стало темно.
 Сердце забилося грозово:
 Зоя его разлюбила давно,
 Стала женою другого!..

VIII

«Геннадий Сергеич,
 вам скучно со мной?
 Хотите – пойдем обратно?
 Да что вы молчите? Какой смешной!
 Ведь это ж другим неприятно!

Я думала, вы развлечете меня,
 А вы заразили тоскою!
 В вас нет задора, в вас нет огня,
 А сердце-то молодое?»

И взгляд зажегся, потом погас.
 Скривила губы досада.
 С волос сбегает прозрачный газ
 На плечи и грудь каскадом.

«Геннадий Сергеич, достаньте мне
 Вон-вон оттуда фиалки!»
 О, что таится на самом дне
 Зеленых очей русалки?

«Ах, не сорвитесь! Merci, герой!
 Букетик такой прелестный!» –
 А скалы виснут над головой,
 И под ногами – бездна.

«Ну, как вам нравится наш Тышкан?»
 «Безумно, Надежда Львовна!»
 Струют фиалки живой дурман.
 Вдыхает грудь неровно...

«Я в Нарынколе совсем одичал –
 Глушь ведь была какая!
 Если б вы знали, как я изнывал!
 Только теперь отдыхаю.

Сразу же здесь по душе мне пришлось:
 Лагерный шум, ущелье!
 В общей гармонии все слилось –
 Дело, природа, веселье!

Вы вот сердились сейчас на меня, –
 Скучен, угрюм. Не спорю!
 Скажу по правде: недавно я
 Изведал большое горе».

«Вы мне расскажете всё, как есть?
 Меня навестите скоро?»
 «Надежда Львовна, сочту за честь...»
 С волненьем рванулись шпоры.

Мгновенья плыли.

Они вдвоем

На плоской скале стояли.
 А снизу крики неслись: «Мы ждем!
 Спускайтесь! Пора! Устали!»

IX

Небо пылает от частых зарниц.
 Курятся горы туманом.
 Вечер с молитвой склоняется ниц,
 Дарит покой желанный.

Коршун кружит в синеве не спеша
И падает вдруг отвесно...
Эх, ненасытна казачья душа –
Ей лишь в степи не тесно.

XI

В юрте просторной есть место для всех.
Услан весь пол кошмою.
Гости, внося оживленье и смех,
Входят веселой гурьбою.

«Здравствуй, тамыр, удалой Исимбай,
Не ждал ты друзей с Тышкана?
Ну что ж, хорошенько теперь угощай,
Давай пожирней барана!»

Лампасы...
Серебряный блеск погон...
И синие амазонки...
Обрывки приветствий со всех сторон.
И говор, как речка, звонкий.

Навстречу поднялся седой киргиз
С улыбкою благосклонной.
И, к стенке прижавшись, глядела вниз
Исимова дочь смущенно.

«Давно не видала тебя, Катын-Ай, –
Надежда Львовна сказала. –
Пророк тебя примет, наверно, в рай,
Такой ты красавицей стала!»

Ну разве она не степной цветок,
Геннадий Сергеич, взгляните!
Какая прелестная бледность щек,
А брови, как черные нити!»

Киргизка стояла, чуть-чуть покраснев.
Ресницы, что крылья, взметнула,
И скромно промолвив «аман» нараспев,
Из юрты неслышно скользнула.

Хозяин с важностью на челе
Степенно ведет беседу.
За юртою повар-казак в котле
Готовит «палаву» к обеду.

А Дина смеется. Она – магнит.
Успеху, как видно, рада.
Геннадий хмурится и молчит,
Следя за нею взглядом.

«О, эта Дина, она – моя.
Надолго ль? – Увы, не знаю!
Она изменчива, как струя,
И близкая, и чужая...»

«Садись, Геннадий, – друзья зовут. –
Какой ты сегодня странный!»
«Сюда за столик! Сейчас дадут
Чудесного нам барана!»

Поджавши ноги, сидят кружком
Тышканские гости чинно.
И смотрит Геннадий одним глазом
На белую шею Дины.

А вот и палава! Ура, Катын-Ай!
«Мы пьем за твое здоровье!»
И вдруг на Геннадия невзначай
Дикарка взглянула с любовью...

И вспомнил он сразу: мучительный зной,
Песок и кусты тамариска.
И вспомнил, как гордо,
с какой простотой
Отвергла подарок киргизка...

XII

«Нет, не могу притворяться и лгать –
Наша любовь догорела.
Мучить меня ей пора б перестать –
Есть же всему пределы.»

Ревность, насмешки, капризов тьма.
 Бурная страсть, уколы...
 Разве не видит она сама,
 Какою бывает тяжелой?

Муж равнодушен?

Неверный путь –
 Не поскользнься, Геннадий!
 Как бы хотелось не утонуть
 В преданном чистом взгляде!

Милый Султан, да умерь ты шаг –
 И так мы в Джаркенте скоро!
 Вот погляди – на пути кишлак,
 Огненный мак у забора.

Две таранчинки стоят под джигдой,
 Тихо о чем-то болтая.
 Вдруг всполошились... Султан, стой,
 Я ведь одну-то знаю!»

Крикнул Геннадий: «Не убегай.
 Что тебя так испугало?
 ...Милая, славная Катын-Ай,
 Как ты сюда попала?

Это подруга была твоя?
 Пусть же уходит с миром!
 Скажи... ты узнала вчера меня
 За нашим веселым пиром?»

Над смуглой головкой
 склонилась джигда,
 О чем-то своем шептала.
 Киргизка несмело сказала: «Да!
 Тебя я, урус, узнала!»

Голос срывался, был глух и тих.
 Маки в саду молчали.
 Нежность светилась в глазах косых,
 Полных живой печали.

Вдруг закрипела вблизи арба.
 Девушку звуки спугнули.
 «Поговорить нам с тобой не судьба
 В этом противном ауле!

Но ты сама мне скажи, Катын-Ай,
 Видеть уруса хочешь?»
 Твердо сказала она: «Приезжай!»
 И опустила очи...

XIII

Степь предвкушает грядущий мрак.
 Солнце склонилось низко.
 У обомшелого камня казак,
 Спешившись, ждет киргизку.

Сколько уж было коротких встреч?
 К ним он привык душою.
 Часто казалась гортанная речь
 Милой ему и родною.

Русская жизнь не была ей чужда:
 Раньше, девочкой дикой,
 Тышканцам носила она всегда
 Душистую землянику.

И, заглядевшись на игры детей,
 Все забывала порою
 И становилась смелей и смелей,
 Дома ж терпела побои...

Вольных кочевий любила ширь.
 Протяжные песни пела.
 И вот явился орел-богатырь,
 Голубоокий и смелый!

Знает про то лишь один Аллах.
 Теперь Катын-Ай другая –
 Давно позабыла свой детский страх
 Пред старым отцом Исим-баем.

Из юрты выходит легко, как тень,
 По степи одна блуждает.
 В условном месте каждый день
 Уруса поджидает...

И вдруг... Сегодня не пришла!
 Ночь полог опустила.
 Прождал напрасно!
 Уныла мгла,
 И на душе уныло!

XIV

«Скажи, почему теперь, Катын-Ай,
Ты не приходишь к камню?»
«Очень сердит на меня Исим-бай,
Видеть тебя нельзя мне...»

«Ты и грустна, и бледна, Катын-Ай,
Слезы в глазах сверкают!»
«Милый урус, навсегда прощай,
С тобой Катын-Ай разлучают.

Живи, как прежде! Всему конец... –
И голос звучит смущенно:
– Вчера я узнала: меня отец
Отдаст Ибрагиму в жены.

Исим взял за дочку большой калым,
И шубы для свадьбы сшиты.
И скоро приедет за мной Ибрагим,
Отцовский тамыр сердитый.

Он старый, он черный, он будет бить,
Бросать мне сухие кости.
Он будет работой меня морить,
А сам важно ездить в гости.

И жены его не поладят со мной,
Я буду им всем чужою...
Твоя Катын-Ай станет скоро больной,
Морщинистой, старой и злою».

«Что делать?..
Крепись, Катын-Ай, крепись!»
Киргизка вздохнула, плача:
«Скажи, отчего ты не наш, не киргиз,
Красивый, лихой, горячий?

Ты мог бы купить Катын-Ай и взять.
Мы жили бы в юрте белой.
Ты добрый, и я не боюсь отдать
Тебе свою душу и тело.

Тебе бы варила я и ткала,
Вставая всегда с зарею.
Я б сына на радость тебе родила
С глазами, как небо весною.

Я знаю песню про Баян-Сулу,
Мой голос силен и звонок.
Я смирно у ног твоих на полу
Сидела бы, как ребенок...

Зачем увидала тебя, зачем,
Степной мой сайгак любимый?
Прощай! Катын-Ай отдадут совсем
Богатому Ибрагиму!»

Кивнула с грустью и прочь пошла,
Дрожа на ходу плечами.
А степь серебряная спала,
И месяц играл тенями...

Пронесся встревоженный зов сурка.
Запахло полынью дико.
И сжалось сердце казака
До ужаса, до крика!

«Постой! Послушай!
Вернись скорей!»
И в голосе боль звучала.
Эх, он любил ее сильнее,
Чем думал сам сначала!

Мила, приветлива, чутка,
Коль любит – не обманет.
Она у злого старика
Цветком полевым завянет!

«Дак нет же, не дам Катын-Ай никому,
Пусть будет навек моею!
Я крепко в объятьях ее сожму,
Умчусь, как безумный, с нею».

Казак на коня своего вскочил,
До крови бока прищпоря,
И топот степи пробудил
В дремотном их просторе.

«Урус, уйди же, ты здесь опять?» –
Сказала с тоскою горячей.
«Так знай:
не могу я кочевником стать.
Тебе быть женою казачьей!»

«Молчи, не смейся! Уйди, урус,
Оставь Катын-Ай в покое!»
Геннадий снова: «Я не смеюсь:
Ты будешь всегда со мною!»

И он охватил ее гибкий стан,
В седло усадил, целуя...
И вихрем обоих понес Султан,
Как будто погоню чуя...

XV

«Мечутся кони, грызут удила» –
Песня лихая несется.
Песня всю душу задором зажгла,
Чуб на ветру так и вьется!

Южное солнце мучительно жжет
Разгоряченные лица,

А казаки собралися в поход.
Надо домой, по станицам!

Острые пашки на левом боку.
Резвые кони играют.
Весело жить молодцу-казаку,
Он утомленья не знает!

Сотник ведет по степи эшелон –
Близко ли войско родное?
Матери старой покажется он
Вместе с смуглянкой женою.

Как необъятен простор степной!
Шепчет казак беззвучно:
«Степь, ты – моя.

Катын-Ай, я – твой!

Будем втроем неразлучны!»

15 октября 1932 г.

Мария Волкова (1902–1983) – выдающаяся поэтесса русского зарубежья. Родилась в Усть-Каменогорске. Дочь казачьего офицера, провела детство в Джаркенте, Тышке, Верном. Первые её публикации появились в эмигрантской казачьей периодике в Харбине и Париже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «Простор» публиковал материалы о жизни и творчестве Марии Волковой (№ 11 за 2018 год) и её воспоминания (№ 10 за 2002 год). Поэма «Катын-Ай» была опубликована в журнале «Сибирский Казак» Войскового Представительства Сибирского Казачьего Войска в Харбине 19 декабря 1934 года (1-го года Кан-Дэ).

